

УДК 343

*М.А. Сентяков***ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМ ВМЕНЯЕМОСТИ**

Российское законодательство, исключая привлечение к ответственности лица, неосознающего характер своих действий ввиду наличия патологии, предусматривая при этом возможность привлечения вменяемого лица, обладающего психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, к уголовной ответственности, не содержит разъяснения понятия ограниченной вменяемости, а также особенностей учёта вышеуказанного психического расстройства при вынесении решения. Различные научные подходы в большинстве своём признают проблемный характер гипотетического закрепления понятия ограниченной вменяемости, однако практика указывает на необходимость такового. Помимо прочего, законодателем не определён теоретический подход к понятию дееспособности субъекта процессуальных отношений при наличии у него такого отклонения. В то время как права и обязанности лиц, признаваемых невменяемыми, чётко регламентированы и предусмотрены процессуальными нормами, в отношении лиц с патологией, не исключающей вменяемости, подобного закрепления не прослеживается. Предлагается законодательно закрепить обязательное участие защитника в случае наличия у субъекта данной патологии с целью соблюдения прав и свобод последнего и формирования объективного подхода, а также закрепить дефиницию ключевого понятия «ограниченная вменяемость» для дальнейшего учёта.

Ключевые слова: дееспособность, ограниченная вменяемость, принудительные меры медицинского характера, психическое расстройство, уголовная ответственность, общественная опасность, невменяемость, юридическая техника, субъект преступления, процессуальные права.

Российское законодательство довольно чётко регламентирует положение, согласно которому лицо, совершившее противоправное деяние, может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, если оно является вменяемым, то есть способно осознавать асоциальный характер своих действий, их общественную опасность, а также способно такими действиями руководить. Отсутствие вышеуказанных характеристик у субъекта позволяет сделать вывод о невозможности его привлечения к уголовной ответственности (ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации). В качестве причин невменяемости физического лица может выступать хроническое либо временное психическое расстройство, слабоумие или иная разновидность болезненного состояния психики.

В общих чертах понятие невменяемости на практике, как правило, рассматривается через призму двух аспектов: юридического и медицинского. Первый из них, в свою очередь также подразделяясь на два составляющих, призван констатировать невозможность лица в принципе являться участником общественных отношений, именно поэтому в научной литературе выделяются: 1) волевой критерий юридической невменяемости, который указывает на наличие (либо отсутствие) у лица способности руководить своими действиями при полном понимании их общественной опасности; 2) интеллектуальный критерий, позволяющий судить об осознании (либо об отсутствии такового) лицом противоправности своих деяний при наличии способности руководить собственными действиями. Таким образом, чтобы признать лицо невменяемым, необходимо наличие обоих признаков, в совокупности указывающих на состояние субъекта, не позволяющее привлечь его к уголовной ответственности, что, однако, не исключает возможности применения к нему принудительных мер медицинского характера.

Второй аспект – медицинский, по своей сути является основанием, на котором зиждется ранее рассмотренный юридический факт невменяемости лица. С данной точки зрения необходимо констатировать наличие того или иного патологического состояния психики, вызванного, в том числе, и физическими особенностями развития индивида, дабы на основании указанного сведения судить о возможности лица осознавать характер своих действий и их общественную опасность¹.

¹ Трошина О.Н. Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемость, и психическими расстройствами, наступившими после совершения преступления // Актуальные вопросы юридических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 138-141.

В то же время законодатель предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности вменяемого лица, не осознававшего в момент совершения противоправного деяния общественную опасность, фактический характер и последствия своих действий ввиду наличия психического расстройства (ст. 22 Уголовного кодекса РФ). Следует отметить, что подобного рода патология учитывается судом при назначении наказания, благодаря чему в конечном итоге в отношении правонарушителя становится возможным применить принудительные меры медицинского характера. То есть в данном случае будет уместным сказать, что лицо, совершающее противоправное деяние, **не в полной мере** осознаёт происходящее, это, однако, не исключает его возможности анализировать с ситуативной точки зрения общественную опасность, которую несут в себе совершаемые действия.

Так, профессор уголовного права М.И. Ковалев и психиатр Б.Н. Алмазов в своей совместной работе указывали на тот факт, что слабоумие, олигофрения, психическое расстройство и иные формы психических патологий, хотя и не свидетельствуют о невменяемости лица, однако играют существенную роль в генезисе противоправной и асоциальной деятельности субъекта. В качестве примера исследователи указывают олигофрению, при которой осознание общественной опасности и способность руководить собственными действиями, хотя и присутствуют, но в довольно редуцированном виде².

В чём-то подобная норма регламентирует довольно спорное понятие, бытующее в современной юридической науке, – «ограниченная вменяемость». В течение продолжительного времени данный термин подвергается острой критике из-за наличия своеобразного диссонанса понятия: как правило, хронические заболевания и психические расстройства характеризуют «невменяемость» субъекта, тогда как расстройства, не исключающие вменяемости, в большинстве своём являются временными: невроты, состояние опьянения, личностные расстройства и т. д.³

Ещё В.П. Сербский⁴ в своём труде писал о несостоятельности понятия ограниченной вменяемости в рамках законодательного закрепления, поскольку в отсутствие возможности точного определения подобного состояния и использования указанного термина в практической деятельности возникнет огромное количество спорных моментов, трудных для разрешения, в то время как подразделение субъектов на вменяемых и невменяемых является более продуктивным и органичным. Аналогичного мнения придерживался и Н.С. Таганцев, отмечая невозможность использования понятия ограниченной вменяемости ввиду его своеобразной амбивалентности: либо лицо осознавало характер своих действий, либо нет и, как следствие, либо подлежит уголовной ответственности, либо не подлежит⁵.

Ряд авторов указывает на неполноценное осознание происходящего при одновременном осознании последствий и контроле своих действий⁶, однако данные утверждения представляются сомнительными из-за невозможности осознания последствий как таковых без полновесного восприятия и осознания действий, приведших к указанным последствиям.

По мнению С.Н. Илларионова⁷, на сегодняшний день при одновременном признании вменяемыми лиц, психически здоровых, и лиц, имеющих ряд психических аномалий, в том числе с недостатком умственного развития, очень сложно определить не только грань между психической нормой и отклонением, но и между психическим отклонением, включающим вменяемость и исключающим таковую. В связи с этим так называемый автором переход будет зависеть от глубины аномалии психики, которую достаточно сложно определить не только в рамках юридических аспектов, но и в рамках медицины. В результате вышеупомянутых затруднений на практике нередко возникает ситуация, при которой человека невозможно считать абсолютно вменяемым или полностью невменяемым. Психические нарушения автор данной концепции рассматривает как патологии, не лишаящие субъекта способности отдавать себе отчёт в действиях, а также руководить ими, что в совокупности с иными факторами не исключает вменяемости, однако в данной ситуации происходит ограничение полного контроля за собственными действиями. А поскольку регулирование действий – важный по-

² Ковалев М.И., Алмазов Б.Н. Оценка психического здоровья человека уголовным законодательством. Свердловск, 1987. С. 36-37.

³ Иванов Н., Брыка И. Ограниченная вменяемость // Российская юстиция. 1998. № 10.

⁴ Сербский Вл. Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1896. С. 44. Цит. по: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 284.

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 154.

⁶ Пестов Д.А. Категория «ограниченной вменяемости» и проблемы её применения в Уголовном праве РФ // Социально-экономические явления и процессы. 2010. №4. С. 127-130.

⁷ Илларионов С.Н. Ограниченная вменяемость в уголовном праве. М.: Юрист, 2012.

казатель, фактически основная черта, характеризующая субъекта в рамках уголовных и уголовно-процессуальных отношений, то и данный вопрос следует рассматривать как ключевой.

Тем не менее на сегодняшний день указанные субъекты, несмотря на наличие психических отклонений, являются полноправными участниками уголовно-процессуальных отношений, возникающих вследствие их асоциальных действий. В связи с этим возникает вопрос об их дееспособности в рамках осуществляемых уголовно-процессуальных мероприятий.

Уголовно-процессуальное законодательство не даёт определения дееспособности, в связи с этим о том, что включает в себя содержание данного понятия существует несколько точек зрения. Согласно одной из самых распространённых дееспособность в уголовном процессе следует рассматривать по аналогии с таковой в гражданском процессе, то есть под указанным термином необходимо понимать способность лица своими действиями приобретать права и обязанности, реализуя и исполняя их, соответственно. Данный подход является верным по своей сути, с той лишь оговоркой, что придаёт статусу субъекта уголовно-процессуальных отношений, определяемому правами и обязанностями, довольно упрощённое толкование. Представляется, что целесообразнее рассматривать дееспособность как одновременно психическую и физическую возможность лица посредством реализации своих прав принимать участие в процессуальных мероприятиях.

Более того, данное определение как бы вытекает из нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где в п. 3 ст. 196 прямо говорится, что проведение медицинской экспертизы представляется необходимым, если психическое или физическое состояние подозреваемого (обвиняемого) вызывает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве⁸.

При этом не только факт пользования правами и исполнения процессуальных обязанностей является ключевым в данном понятии, куда более важно наличие осознания и направленности реализации этих самых прав, поскольку в случае отсутствия такового, по мнению ряда экспертов, в принципе не представляется возможным говорить о наличии какой-либо дееспособности субъекта в рамках данных мероприятий⁹.

Вследствие этого закономерным будет вопрос: может ли лицо при наличии незначительных отклонений быть дееспособным, в то же время являясь носителем патологии, искажающей восприятие и исключающей полный контроль за совершёнными и совершаемыми действиями? Исключая некую долю психической составляющей лица, мы приходим к выводу, что «возможность приобретать права и обязанности» не может включать в себя понятие частичности, и следовательно, лицо не может быть признано дееспособным.

На наш взгляд, при проведении уголовно-процессуальных мероприятий в отношении лиц, имеющих психическое расстройство, не исключающее вменяемости, необходимо учитывать, что само по себе наличие подобного рода патологии, в какой-то степени послужившей катализатором противоправных действий лица, свидетельствует об ограниченном осознании происходящего и об ограниченном волевом контроле за собственными действиями, в связи с чем однозначно утверждать о возможности в полной мере реализовывать свои процессуальные права и обязанности лицом, имеющим подобное отклонение, нецелесообразно.

Статья 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает обязательное участие защитника лишь в том случае, если «подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту». Под категорию психически неспособных для процессуальных действий лиц чаще всего попадают лица, которые приобрели психическое расстройство, исключающее вменяемость, уже после совершения преступления либо обладавшие таковым на момент противоправного деяния, в связи с чем в отношении них происходит производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Как отмечает Ю.В. Песковая в своей работе об уголовно-процессуальной правосубъектности лица, зачастую глубина вовлечённости подобного субъекта в уголовно-процессуальные отношения напрямую зависит от характера и тяжести психического отклонения, которое влияет на способность

⁸ Клименко Т.В. Судебная психиатрия: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2015.

⁹ Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности давать показания // Медицинская и судебная психология: курс лекций / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М., 2005. С. 506-527.

физического лица осуществлять права и исполнять обязанности. Чаще всего на практике лицо, у которого устанавливают наличие данного отклонения, отстраняется от непосредственного участия в судопроизводстве при вовлечении в процесс законного представителя и защитника¹⁰.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 г. «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», принудительные меры медицинского характера судом могут быть применены к лицу, совершившему преступление и страдающему психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но нуждающемуся в лечении психического расстройства, такому лицу наряду с наказанием суд может назначить принудительную меру медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра (ч. 2 ст. 99 УК РФ).

Таким образом, принудительное лечение допустимо лишь в случае полной невменяемости субъекта либо в случае крайней необходимости, в то время как пограничное состояние, представляющее собой психическое расстройство, не исключающее вменяемости, на практике очень редко является основанием для применения вышеупомянутых мер, однако служит своеобразным препятствием для полноценного участия лица в процессуальных действиях.

В связи с тем что, как справедливо отмечает ряд исследователей, субъект, имеющий нехроническую патологию и обладающий способностью осознавать происходящее, рассматривается в рамках процесса как вменяемый, существенных разграничений с обычным процессуальным ходом не должно происходить, разница в том, что ограниченное осознание своих прав и обязанностей, присущих участнику уголовного производства, может существенно нарушить статус субъекта ввиду не добровольного, а вынужденного отказа от ряда прав, осуществляемого в первую очередь из-за искажённого восприятия.

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 20 ноября 2007 г. № 13-П1 указывает на необходимость дифференцируемого регулирования прав участников уголовного процесса с учётом их возможности самостоятельно участвовать в процессе, что подразумевает привлечение законных представителей и защитников. Однако подобного рода аналогия, к сожалению, не имеет места быть при наличии у лица отклонения, не исключающего вменяемости. Как отмечает ряд исследователей, из-за отсутствия в отечественном законодательстве развёрнутых определений вменяемости и невменяемости лица пограничное состояние, выражающееся в патологии, не исключающей вменяемости, как правило, остаётся без должного внимания.

Прежде всего подобного рода патология может лишить субъекта возможности реализовать своё право на профессиональную защиту. И если при невменяемости в процесс вводятся защитник и представитель, которые могут таким образом соблюсти реализацию прав субъекта, то в данном случае такого не происходит.

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно законодательно закрепить обязательное привлечение защитника в том случае, если лицо обладает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, но отказывается от защиты через представителя.

Более того, в современном законодательстве необходимо закрепление вышеупомянутого понятия ограниченной вменяемости лица, устанавливающего наличие отклонений в психическом здоровье субъекта, которые способны оказывать влияние на восприятие объективной действительности, в небольшой степени искажая её. Подобная дифференциация понятий прежде всего позволит суду при рассмотрении указанного дела учитывать факт наличия психической патологии, хотя и не исключающей ответственности, но способной послужить обстоятельством для её смягчения.

К глубокому сожалению, сама по себе характеристика ограниченной вменяемости имеется только в ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая к тому же, по мнению ряда исследователей, неидеальна с точки зрения юридической техники. По мнению А.В. Василеского, указанное нормативное закрепление подразумевает изменение степени ответственности, однако не регламентирует и не поясняет таковое изменение: «Статья 22 УК РФ регулирует уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость. В ч. 1 статьи говорится, что такие лица подлежат уголовной ответственности, а в ч. 2 сказано, что данное обстоятельство учитывается судом при назначении наказания. Каким образом оно должно учитываться, не поясняется».

¹⁰ Песковая Ю.В. Уголовно-процессуальная правосубъектность лица, страдающего психическим расстройством. М., 2013.

Данная проблема остаётся актуальной и по сей день не только по причине ограниченной трактовки понятия в законодательстве и отсутствия развития отношений, позволяющих учитывать патологии, не исключающие вменяемости лица, при реализации уголовно-процессуальных отношений, но ещё и потому, что на практике данное положение практически не учитывается¹¹, а процессуальная документация (в частности, судебные акты) не позволяет судить о практическом разрешении данной проблемы ввиду почти полного игнорирования указанного понятия.

Несмотря на периодические ссылки в приговорах на ст. 22 УК РФ на практике в большинстве из них полностью игнорируются факты, свидетельствующие об ограниченной вменяемости лица, даже если таковые установлены соответствующими экспертизами. Указание в приговорах на «учитывание» факта психического состояния субъекта не раскрывает, каким образом данное положение было принято во внимание.

Само по себе разграничение понятий невменяемости и ограниченной вменяемости очень проблематично, поскольку даже с учётом медицинского анализа состояния лица утверждать со стопроцентной уверенностью о том, что субъект вменяем, не представляется возможным, поскольку само по себе признание вменяемым, наряду с психически здоровыми лицами, лиц, имеющих различные психические патологии, без чётких критериев (прежде всего, юридических), невозможно.

Понятия дееспособности, ограниченной вменяемости, а также особенности осуществления отношений с учётом данных фактов нуждаются в законодательном закреплении. Это позволит максимально индивидуализировать подход как к обстоятельствам рассматриваемого правонарушения, так и к субъекту данного преступления.

Поступила в редакцию 05.12.2018

Сентяков Максим Андреевич, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

M.A. Sentyakov

PECULIARITIES OF CRIMINAL PROCEDURE PRODUCTION IN RESPECT OF A PERSON WITH MENTAL DISABILITY, NOT EXCLUDING RESPONSIBILITY

Russian legislation, which excludes bringing to justice for a person who is unaware of the nature of his actions due to the presence of pathology, while providing for the possibility of bringing a sane person with a mental disorder, not excluding responsibility, to criminal liability, does not contain an explanation of the concept of limited responsibility, as well as the features of accounting the above mental disorder when making a decision. Various scientific approaches for the most part recognize the problematic nature of the hypothetical consolidation of the concept of limited responsibility, but practice indicates that it is necessary. Among other things, the legislator has not defined a theoretical approach to the concept of capacity of the subject of procedural relations if he/she has such a deviation. While the rights and duties of persons recognized as insane are clearly regulated and provided for by procedural rules, in respect of persons with pathology that does not exclude responsibility, such regulation is not traceable. It is proposed to legally fix the mandatory participation of the defender if the subject has such pathology in order to respect the rights and freedoms of the latter and form an objective approach, as well as fix the definition of the key concept "limited responsibility" for further consideration.

Keywords: capacity, limited responsibility, compulsory medical measures, mental disorder, criminal liability, public danger, insanity, legal technique, subject of crime, procedural rights.

Received 05.12.2018

Sentyakov M.A., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034

¹¹ Тугушев Р.Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.